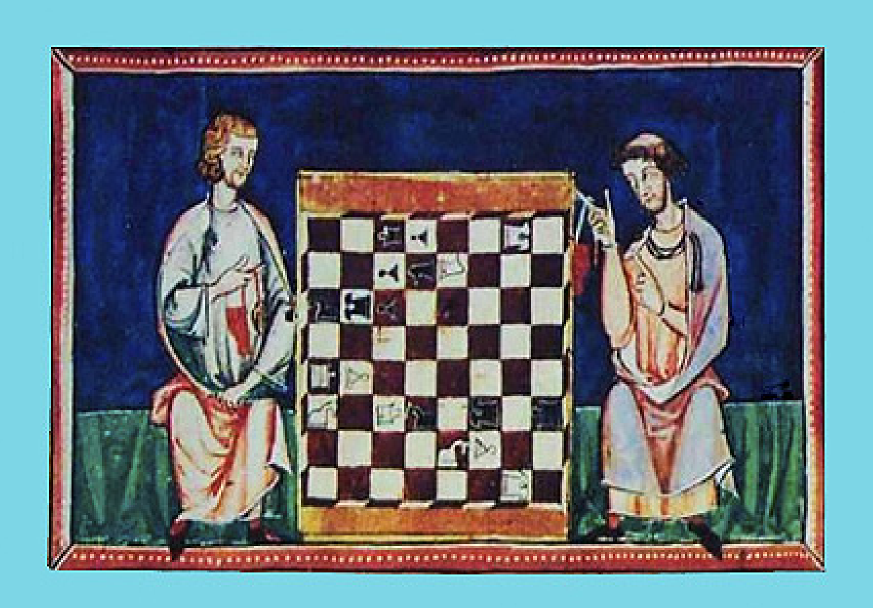
Яков Эйхенбаум

ГАКРАБ (БИТВА)

Поэма о шахматной игре

Salamandra P.V.V.
MMXI

Salamandra P.V.V.

Яков Эйхенбаум

ГАКРАБ

Поэма о шахматной игре

Предисловие Б. Эйхенбаума

Salamandra P.V.V.

Эйхенбаум Яков.

Гакраб (Битва): Поэма о шахматной игре. Пер. с древнееврейск. О. Рабиновича. Предисл. Б. Эйхенбаума. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 97 с., илл. – PDF.

Первое откомментированное издание курьезной поэмы о шахматной игре известного просветителя и поэта XIX века Якова Эйхенбаума, деда выдающегося филолога и литературоведа Б. Эйхенбаума. Рисуя сражение между армиями древних воителей Хебера и Коры, автор описывает ход эффектной шахматной баталии с неожиданной концовкой (воспроизведение этой партии на шахматной доске доставит читателю немалое эстетическое наслаждение). Книга снабжена предисловием Б. Эйхенбаума. В приложениях приведены рецензии на поэму Эйхенбаума из журналов 1840-х гг. и шахматная поэма Авраама ибн Эзры (XII в.).

J. Eichenbaum

Борис Эйхенбаум

«ГАКРАБ»
Отрывки из родословной

В 1924 году в магазинах появилась маленькая анонимная книжка под названием «*Древняя поэма о шахматной игре*». Эта самая «древняя поэма» памятна мне с детства. В подлиннике она написана по-древнееврейски. Об ее авторе я разыскал любопытное сказание, написанное забавным эпическим слогом и уводящее в глубь еврейской экзотики XVIII века. Вот отрывки из него.

«Моисей Гельбер, рожденный в 1744 году в местечке Тышовце недалеко от Замосця, был любимым сыном своих родителей. Он был человек редких способностей, но, по неодолимой силе условий времени и тогдашней жизни еврейского народа, он не получил европейского образования и занимался исключительно лишь изучением Талмуда и Библии. Зато в этом отношении он достиг необыкновенного совершенства. Слава о редкой учености молодого человека разнеслась по всей окрестности: отцы ставили его в пример своим детям; старые раввины и

опытные талмудисты платили дань удивления глубоким познаниям юноши. Благодаря этой славе один богатый человек из местечка Христианополя Жолкевского округа в Галиции некто Гирш (фамилии, как известно, в то время не везде еще были введены между польскими евреями) выдал за Моисея свою старшую дочь, принял его к себе в дом и обеспечил все его нужды и потребности, чтобы молодой человек мог беспрепятственно продолжать свои ученые занятия и сделаться со временем светилом во Израиле, что в былое время ставилось выше почетного гражданства. Полтора года после свадьбы жена Моисея, постигнутая тяжкою болезнью, умерла. Гирш, гордившийся славою своего ученого зятя, не хотел выпустить Моисея из своего семейства и женил его на своей младшей дочери. Вторая жена Моисея на втором году супружеской жизни, в сентябре 1796 года, подарила мужу сына Якова. Молодая жена, родивши еще дочь и сына, умершего тотчас после рождения, подверглась – вероятно по причине слишком раннего замужества – продолжительной болезни и 21 года от роду скончалась на руках отца и нежно любившего мужа.

Яков был щедро наделен от природы необыкновенными дарованиями и уже в самом раннем детстве удивлял всех знавших его своим необычайным развитием. Двух лет от роду он уже чи-

тал по-еврейски. Здесь мы считаем нелишним упомянуть об одном, в сущности незначительном, но при всем том весьма замечательном факте. На втором году жизни маленький Яков заболел натуральною оспою и указывал изумленному отцу в случайной группировке сыпи различные пунктуации еврейских письмен (segol, zereh и т.д.)... Четырех лет от роду он знал уже *Пятикнижие* и читал каждую пятницу сидру (отдел) с соответственною интонациею; на шестом году он изучил уже 20 листов Гемары. Около этого времени отец показал и объяснил мальчику первые три правила арифметики, которыми ограничивались его собственные математические познания. Знакомые отца не совестились мучить шестилетнего ребенка арифметическими задачами, кроме того, сам мальчик, по врожденной любознательности, предлагал себе разные численные вопросы; вследствие этого маленький Яков разгадал, так сказать, *деление* и даже начальные правила *дробей*, сам собою, без помощи учителя или книги.

О необыкновенном мальчике стали рассказывать по околотку разные чудеса и счастливому отцу начали предлагать выгодные *партии* для сына, между которыми одна, именно с дочерью одного деревенского арендатора, показалась старику наиболее сходною. Таким образом, осьмилетний Яков, за полгода до смерти мате-

ри, был обручен с девятилетней девочкой, родители которой жили недалеко от русской границы, в Волынской губернии. Когда мальчик лишился матери, родители крошечной невесты пригласили его к себе на праздник Пасхи. Во время этого праздника Яков первый раз явился в синагоге *кантором* (chasan). Он имел прекрасный сопрано, и его заставили произнести перед Кивотом молитву «Галэл» (аллилуйя).

С тех пор он стал фунгировать во многих синагогах в качестве кантора. После праздника Яков остался уже у родителей своей невесты, которые оставили его у себя окончательно на жительство, держали попеременно то в своем доме, то в близлежащем местечке Орхове у одного тамошнего талмудиста, который был чрезвычайно силен в каббале и считался в то же время каким-то полусвятым. У этого-то учителя молодой человек продолжал начатое учение и оказывал всевозможные успехи.

Мы, конечно, пропустили бы все эти подробности, если бы с воспоминанием об этом учителе не соединялось воспоминание об обстоятельстве совершенно случайном, которое однако ж имело решительное влияние на судьбу и всю будущность Якова. Полусвятой учитель имел брата Иосифа, который, оставив семейный очаг, в продолжение целых одиннадцати лет скитался неизвестно где по разным странам и

наконец во время пребывания Якова в Орхове возвратился домой; брат принял скитальца с распростертыми объятиями, уважая в нем непомерную талмудическую и каббалистическую ученость. Реб-Иосиф еженедельно по субботам держал в доме брата проповеди, или вернее, читал некоторого рода лекции каббалистического содержания. Все жители Орхова считали долгом и даже честью для себя – быть на этих чтениях, так что «аудитория» реб-Иосифа бывала всегда многочисленна. Способности и быстрая понятливость Якова обратили на себя внимание ученого гостя; он полюбил от души любознательного мальчика, пускался с ним часто в разговоры и прения и, стараясь поставить его в тупик, все более и более удивлялся быстро развивающимся умственным способностям дитяти. Между прочим, реб-Иосиф однажды рассказал мальчику, что есть на свете одна весьма умная игра, отличающаяся глубокомыслием и трудностию – шахматы. Для Якова достаточно было только пронюхать существование чего-нибудь нового, чтобы сейчас же пожелать узнать это новое поближе. Он пристал к реб-Иосифу и до тех пор мучил его, пока тот должен был наконец уступить его просьбам и объяснить ему устройство, правила и законы шахматной игры. Чувствовал ли бедный реб-Иосиф, что он дал первый урок одному из первых шахматистов на-

шего времени? Предвидел ли этот безвестный труженик неблагодарных наук, что ему, может быть, мы обязаны за явившуюся впоследствии поэму, за творение – единственное в своем роде, а может быть и во всех литературах!

Одиннадцати лет от роду Якова женили. Но и после свадьбы он по большей части находился у своего полусвятого учителя в Орхове, продолжал там брать уроки и продолжал свое *самоучение*. Вдруг одно обстоятельство произвело перемену в его образе жизни. Тесть его потерял свою аренду и должен был оставить деревню и перейти на жительство в близлежащее местечко Берестечко, где он имел свой собственный дом. Само собою разумеется, что он взял с собою и Якова, для которого держал учителей дома.

В то время дед Якова, Иосиф Гельбер, умер, завещавши своему любимому внуку шесть отделов Мишны, с тем чтобы он читал за упокой души деда по одной главе ежедневно в продолжение целого года. Яков, почитая сердечно память усопшего, рачительно исполнял его приказание и читал ежедневно не только одну главу Мишны с комментариями *Бартенура*, но следил также за прибавлениями, называемыми Tofoth Iomtob. Надобно заметить, что в этих прибавлениях, в первой книге, находятся две главы геометрических вычислений. Все, изу-

чавшие Мишну, по большей части пропускают эти места, не дерзая даже взглянуть на строки, ведущие прямо ко временной и вечной погибели. Яков осмелился однако ж прочесть эти ужасающие места, счастливо прошел их и увидел, как все это полезно. С тех пор единственным стремлением, самым заманчивым предметом желаний и помыслов молодого человека сделалась математика. Изучить ее с возможною полнотою – вот была цель, о которой он мечтал денно и нощно.

Но увы! между ним и этой вожделенною целью лежала пропасть, ничем для него невыполнимая, – недостаток учебников. Исправить этот недостаток для него, в его тогдашнем положении, было вдвойне невозможно: как и откуда, во-первых, возьмутся математические учебники в таком захолустье, как Берестечко? а, вовторых, еврей с научною книгою в руке – это было в то время (пожалуй, даже и теперь) пугало, которым няньки стращали плачущих детей. Еврей, занимающийся наукой, т.е. не Талмудом и не Каббалою, был чем-то в роде Навуходоносора, Аманы, Гонты... Сколько ни старался Яков укрывать от завистливого ока любимые помыслы свои, однако ж прозорливые очи аргуса-тестя все-таки умели проникнуть в sanctorium молодого человека... Арендатор с невыразимым ужасом увидел, что зять жестоко обманул его

заветные ожидания; он убедился, что давно лелеянная им надежда увидеть со временем своего зятя в лучезарном сиянии каббалистической славы на каком-нибудь духовном троне во Израиле лопнула, как мыльный пузырь... Тесть увидел это, говорим мы, и душа его вскипела негодованием, а негодование перешло вскоре в неумолимую ненависть. Озлобленный старик изливал поминутно свою желчь на бедного юношу и на жену его, свою дочь, которая, – почти ребенок еще, – не смея и думать, что ее отец станет понапрасну преследовать зятя, поневоле привыкла разделять в отношении к мужу чувства отца. Следствием этого было то, что Яков принужден был после семилетней супружеской жизни развестись с молодою женой и возвратиться в дом отца.

Здесь нашел он сочинения из новоеврейской литературы, на которые бросился с такою жадностью, с какою бросается голодный на пищу после продолжительного поста. Молодая литература произвела на Якова могущественное впечатление: с того времени он начал писать по-еврейски. Мы видим, что судьба и обстоятельства вели молодого человека на путь, к которому стремилась его душа. Около 1815 года Яков Моисеевич женился опять на молодой, хорошенькой девушке, дочери бывшего раввина, жившего в Замосце. Тут случай столкнул юношу с

хорошим знатоком еврейской грамматики и Св. Писания; в постоянных беседах с ним Яков изучил почти без руководств еврейскую грамматику и тогда уже начал писать очень недурные стихотворения, из которых одно, написанное в 1818 году, как первое произведение молодого таланта, помещено в начале изданного после «Kol-Zimra».

Около 1818 года издано для Польши постановление, в силу которого каждый еврей обязан был принять какую-нибудь фамилию; до того времени евреи по большей части назывались только по имени и отчеству: Берковичи, Мошковичи и пр., с прибавлением названия места жительства. Кроме того, постановление это позволяло каждому еврею принимать новую фамилию, если бы даже он до того имел какую-нибудь. Яков Моисеевич, которому его фамилия казалась не довольно благозвучною, воспользовался этим случаем и переменил название *Гельбер* на фамилию *Эйхенбаум*. «Я это сделал, – говорил нам не раз наш многоуважаемый поэт, – уступая наущениям ребяческого тщеславия. Отец мой был этим весьма недоволен, и я сам не раз раскаивался в этом шаге, который совершенно отчуждает меня от родственников моего покойного отца».

В начале 1820 года смерть похитила из объятий Эйхенбаума молодую, горячо любимую же-

ну, после которой ему осталось трое детей, девочек, из них самой старшей было 11 лет, а самой младшей 11 недель от роду. Долго он не мог утешиться от удара, и только вид бедных беспомощных малюток, нуждавшихся в материнском попечении, мог его заставить вступить снова в брак.

В 1836 году книгопродавец Куммер, в Лейпциге, издал собрание еврейских стихотворений Эйхенбаума под заглавием «Kol-Zimra», о котором многие газеты отозвались с величайшими похвалами. Легкость стиха и необыкновенная свобода, с какою автор владеет языком, возбудили клики изумления всех еврейских ученых и публицистов. В этом собрании заключаются многие переводы из Лангбейна (Der Vatermörder), Шиллера (Der Ring des Polikrates, Die Burgschaft и пр.), много оригинальных стихотворений, из которых самое замечательное по содержанию и по самой даже форме (оно состоит из 30 шестистрочных стансов) «Видение Соломона». Далее в этой книжке заключаются многие так называемые Gelegenheitsgedichte, и в заключение (прозою) «История Андрокла со львом» и два письма автора.

В 1840 году была издана в Лондоне иждивением одесского негоцианта, покойного Соломона Гуровича, поэма Эйхенбаума на еврейском

языке: Hakrab[*], воспевающая шахматную игру. Сочинение это, замечательное как творение поэтическое и отличающееся особенным искусством изложенной в нем шахматной партии, уже знакомо русской публике в прекрасном переводе (1847 г.) О. А. Рабиновича. Многие немецкие, французские, английские и русские журналы поместили весьма лестные отзывы об этой поэме.

Около этого времени истолкование одного места в Iesod Mora соч. Ibn-Esra вовлекло Эйхенбаума в спор с знаменитым С. Д. Луцатто, давшим спорному месту обширное и отдаленное объяснение, которого несообразность Яков Моисеевич доказал в журналах. Это доставило ему громкую известность в еврейском ученом мире.

В 1844 году Яков Моисеевич определен был на должность смотрителя при Кишиневском училище, где оставался шесть лет, а в 1850 году переехал в Житомир на должность инспектора раввинского училища, которую занимает и поныне»[**].

---

[*] Битва.

[**] *Барон Тарнеголь.* Яков Моисеевич Эйхенбаум. Канва для биографии. «Рассвет. Орган русских евреев». Год первый, 1860-1861. Одесса, № 51 и № 52 (*Прим. авт.*).

У нас в семье от деда осталась только поэма «Гакраб». Она много лет лежала в письменном столе у отца, потом перешла в мой письменный стол. Это было старое одесское издание – с портретом автора и предисловием переводчика. Теперь к нему присоединилось другое – новенькое, московское, без портрета, изданное по анонимной рукописи, случайно найденной в архиве поэта Слепушкина.

В предисловии к одесскому изданию 1847 г. было сказано: «Предлагаемая поэма сочинена назад тому семь лет Я. Эйхенбаумом, известным в литературном мире евреев своим прекрасным поэтическим талантом. Она в свое время наделала много шума между занимающимися еврейской литературою, потому что оригинальность идеи поэта, представившего в виде битвы шахматную игру, со всеми ее правилами и подробностями, неожиданная развязка этой битвы и прекрасный язык, которым поэт владеет в совершенстве – подлинно поразительны».

В предисловии к московскому изданию 1924 г. сказано: «Предлагаемая вниманию читателей древняя поэма о шахматной игре появилась приблизительно в начале минувшего столетия в виде рукописи. Когда и кем она была написана, а также издавалась ли она в России, нам установить не удалось. Помимо красоты и звучности изложения поэма чрезвычайно богата

своим внутренним содержанием, заключающимся в показательной партии, разыгранной двумя героями поэмы».

Жанр предисловия мало изменился, но язык его ухудшился. Что же касается автора самой поэмы, то он превратился в научную проблему. Не так ли возникают многие научные проблемы? Не развивается ли наука на основе забвения?

Два года назад я возвращался из Одессы в Ленинград через Житомир. Чистенький, тихий, недавно выстроенный вокзал. Я постоял на платформе, купил у бабы фруктов и поехал дальше.

О «древней поэме» и ее авторе спросить было не у кого.

***

Литература в детстве не была задумана. «Древняя поэма о шахматной игре» лежала у отца в письменном столе как семейная реликвия. Мы с братом иногда разыгрывали описанную в поэме шахматную партию. На синей обложке стояло: «*Гакраб*. (Битва). Сочинение *Я. Эйхенбаума*. Перевел с еврейского О. Рабинович. Издание второе. Одесса. В русской типографии Р. Бей-

ленсон. 1874». Далее следовал портрет невиданного нами дедушки: сурового вида бритый старик, в форменном виц-мундире; левой рукой он облокотился на круглый столик, в правой держит полураскрытую книгу. Затем идет что-то на древнееврейском языке, чего мы не понимаем (эпиграф, посвящение). Текст поэмы напечатан слева по-русски, справа по-еврейски. Мы читаем только левые страницы.

Перевод неудачен: строфическое построение не соблюдено; сжатость, стремительность и остроумие языка не переданы; в основу положен какой-то ходячий пушкино-лермонтовский шаблон, осложненный особенностями одесского наречия. Но тогда мы всего этого не понимали (формальный метод еще не был открыт) и, забывая о шахматах, прислушивались к словам и к ритму:

В стране поэзии, цветов,
Где всходит солнце золотое,
Где неба щедрого даров
Повсюду море разлитое,
Где людям шлет на круглый год
Весну цветущую природа,
И кровь неистово течет
По жилам пылкого народа;
Где аромат в вечерний час

Волной по воздуху несется;
В стране, которая от нас
Востоком искони зовется –
Там, в той стране, в прекрасный день
(Гласит старинное преданье)
В саду заброшенном, под тень
Зеленых лип, на состязанье
Сошлись два доблестных врага:
Один Хебер, другой Кора;
Как первый, в бранях зачерствелый
Гроза и бич врагов своих,
Так и другой – воитель смелый,
Краса товарищей лихих.

Хебер – предводитель белых, Кора – черных. Сложными перифразами описаны сначала все правила шахматной игры, потом – вся партия, кончающаяся неожиданной эффектной победой белых. Началу самой битвы предшествуют строки, которые особенно нам нравились:

Вперед, вперед, не унывай
Рассказ мой, скромный сын преданий!
Развейся смело, не скрывай
Подробностей невинной брани.
Читай нам повесть старины,
Куда кто шел, за кем гонялся;

Как жребий кончился войны,
Кто пал со славой, кто остался.
Не унывай, когда упрек
Нечистых уст тебя коснется:
Тебя лишь слушает знаток,
В его душе лишь отзовется
Понятный звук твоих речей
И чудный смысл иносказаний;
Так лейся ж плавно, как ручей,
Рассказ мой, скромный сын преданий!

В сущности говоря, это была своего рода пародия на романтику восточных поэм. Традиционные приемы этого жанра перенесены на неожиданный материал, все время играющий двумя смыслами. Финал подчеркивал традицию. На пир в честь Хебера является молодой певец; он воспевает битву:

Как сильный сильным побежден,
Как с хитростью боролся гений.
И вся толпа рукоплескала;
А между тем невдалеке
Рука искусная писала
Слова поэта на доске,
С тех пор живет в устах народа
Рассказ глубокой старины;

О нем твердили в род из рода
Востока пылкие сыны;
И к нам через многие лета,
Как быль исчезнувших времен,
Рассказ восточного поэта
Седым преданьем занесен.

В том же 1840 году, когда поэма деда впервые издавалась в Лондоне, Лермонтов заканчивал в Петербурге своего «Демона».

ГАКРАБЪ.

(БИТВА)

СОЧИНЕНІЕ

Я. ЭЙХЕНБАУМА

перевелъ съ еврейскаго

О. Рабиновичъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ОДЕССА.
Въ Русской типографіи Р. Бейленсонъ
(на Ришельевской ул. въ д. Ралли).
1874.

От переводчика

Предлагаемая поэма сочинена, назад тому семь лет, Я. Эйхенбаумом, известным в литературном мире евреев своим прекрасным поэтическим талантом. Она в свое время наделала много шума между занимающимися еврейской литературою, потому что оригинальность идеи поэта, представившего в виде битвы шахматную игру, со всеми ее правилами и подробностями; неожиданная развязка этой битвы и прекрасный язык, которым поэт владеет в совершенстве, – подлинно поразительны. Желая познакомить публику с этим оригинальным, в своем роде, произведением, я взялся за перевод, который окончен мною, если не с полным успехом, то, по крайней мере, с добрым намерением.

Каждому должно быть понятно, как трудно опоэтизировать такой сухой предмет, как шахматная игра. Это еще возможно на восточном языке, в котором цветистость оборотов и фигур нередко выкупают собою настоящие условия поэзии, как мы, европейцы, их понимаем; но на европейском языке эти условия совершенно различны от восточных, и от наших стихов; прежде всего, требуется смысл, а потом уж ловкость в оборотах и поэтические украшения.

Кроме того идиотизмы мертвого еврейского языка и железная его сжатость, с величайшим трудом укладываются в русский четырехстопный ямб, требующий разгула и свежести. Поэтому читатели меня простят, если они в моем переводе не найдут тех неуловимых красот, которыми изобилует поэзия Эйхенбаума. Я старался как можно ближе придерживаться подлинника, в самом строгом смысле этого слова, и позволил себе лишь весьма легкие изменения и отступления, и то в самых необходимых случаях, где чрезвычайная краткость еврейского языка могла превратиться в совершенную сухость в русском переводе, или где смысл еврейского стиха не согласовался с характером языка русского и современными понятиями о стихотворстве.

ОДЕССА.
10 Апреля 1847

I.

В стране поэзии, цветов,
Где всходит солнце золотое,
Где неба щедрого даров
Повсюду море разлитóе,
Где людям шлет на круглый год
Весну цветущую природа,
И кровь неистово течет
По жилам пылкого народа;
Где аромат в вечерний час
Волной по воздуху несется:
В стране, которая от нас
Востоком искони зовется. –

Там, в той стране, в прекрасный день
(Гласит старинное преданье),
В саду заброшенном, под тень
Зеленых лип, на состязанье
Сошлись два доблестных врага:
Один Хебѐр, другой Корá;
Как первый, в бранях зачерствелый
Гроза и бич врагов своих,
Так и другой – воитель смелый,
Краса товарищей лихих.

Сюда, вдали толпы нескромной,
Лишь взяв друзей своих с собой,
С душою, смелостию полной,
Сошлись соперники на бой;
На страшный бой, но не кровавый,
Не жажда мести их вела:
Они пришли искать тут славы
В глубоких тонкостях ума.

По их расчету и веленью,
Лишь тронет смелая рука,
По полю грозного сраженья
Идут отважные войска:
Солдаты, витязи, вельможи,
Идут цари меж ними тоже;
Но в них нет жизни, все они
Из кости чудно созданы...

И вот поставлен перед ними
Готовый стол, а за столом
Соперники к лицу лицом
Сидят, и ближними своими
Они обставлены кругом.
В квадратных клетках белых, черных
Доска меж них положена,
На ней толпой бойцов упорных
Ведется хитрая война;
И *белый* угол поля брани
К руке их правой обращен:

Так учат древние преданья,
Таков из Индии закон.

Из Индии, страны далекой,
Один Мудрец сию войну,
И войск число, и ход глубокий,
Принес с собою в старину;
С тех пор отрадой и забавой
Между людьми она слывет,
И тот покрыт блестящей славой
Кто глубже дух ее поймет...

И вот войска двумя рядами
С обеих строются сторон;
Число их равно, лишь цветами
От друга недруг отличе́н:
Одни черны, другие белы;
Над первыми Кора́ главой,
Других Хебе́р, начальник смелый,
Ведет на брань, на смертный бой.

Над всеми четырьмя углами,
Где поля бранного края,
Перед обоими борцами,
Стоят два дюжих *пушкаря*.
Идут прямой они чертою,
Идут в длину, иль в поперек,
Идут назад, идут вперед,
Тяжелой, верною стопою;

Но только им туда идти,
Где нет преграды на пути.

При них два *витязя* подмогой
Стоят на бурных скакунах;
Они всегда кривой доро́гой
Стремятся вскачь, и в двух шагах
От места прежнего меняют
Первоначальный клетки цвет:
Будь враг, будь друг – им дела нет,
Ничто в пути им не мешает.

За ними место двум *стрелкам*
Удар их быстрый и могучий
Несется громоносной тучей
По неприятельским рядам.
По всем углам их выстрел меткий,
Разит, но лишь летая вкось,
И незаменен цвет их клетки,
Где б им стоять не довелось.

Среди шеренги *воевода*
Берет по цвету своему
И место для себя; ему
Открыты по́ полю все ходы:
И как пушкарь, и как стрелок
Он безбоязненно шагает,
Лишь витязя кривой скачок
Ему закон не дозволяет.

Но тот, кто ближе всех при нем
Стоит так грозно-величаво,
Отмечен счастия перстом, –
Ему всей битвы честь и слава;
Он войск душа, он их отец,
Он носит скипетр и венец
Милей он всем зенницы ока;
И если в битве, волей рока,
От рук врага погибнет он, –
Тогда прости мирская слава,
Прости венец, прости держава,
Конец войне – народ пленен.

Вокруг себя, в пылу сраженья,
Во все места и направленья,
За ходом ход, за шагом шаг,
Скользит державный, мощный *шах*.
Есть ход иной: он выбирает
Иль правый, или левый бок
И, подвигаясь в поперек
Он к пушке шаг свой удвояет;
Но так идти лишь может он,
Когда каррьер не заслонен.

Тогда пушкарь свой пост бросает
И робко, опустив главу,
Перед владыкой пробегает
И в бок становится ему.
И этому двойному ходу

Дают названье одного;
Но если с места своего,
Запальчивости дав свободу,
Они сошли уж до того,
Иль недруг гонится за ними,
Иль на пути грозит им враг,
Тогда закон неумолимый
Им запрещает этот шаг *.

Защитой на поле сраженья
Борцы двойной тот ход зовут:
Под нею шаха берегут
От всех внезапных нападений,
Кто дух войны вполне постиг,
Кто тактик зоркий, даровитый,
Тот никогда удобный миг
Не пропускает для *Защиты*,
А без того царя врасплох
Тревожить часто враг бы мог...

В другом ряду доски квадратной,
Под первый пыл и гром войны,
С конца в конец стоят *солдаты*,
Царя покорные сыны.
Их ход один перед собою,
Он вечно медлен, вечно тих;
Но если с первых мест своих

* Правило рокировки (*Прим. перев.*).

Они не тронулись, – двойною
Они могут стопой ходить
И шаг свой раз лишь ускорить…

Так с каждой стороны готовых
Идет шестнадцать удальцов,
Смесь пестрая вельмож суровых
С толпою преданных рабов.
Всю славу, почесть от народа
Имеет венценосный царь;
За ним всесильный воевода,
За этим доблестный пушкарь,
А витязя и встарь, и ныне
С стрелком в одном считают чине.

Всяк воин, выступая в бой,
Занять не смеет клетки той,
Где друг иль враг остановился:
Идти он должен лишь туда,
Где нет чужого и следа;
Но если на пути случился
Ему помехой враг лихой,
Тогда упрямого он смело
Сшибает с ног, и вон за строй
Убитого бросает тело,
И пост того, кого убьет,
Себе в награду он берет.

Когда ж простой солдат встречает
Врага препоной на пути,
Его он сбоку убивает,
Разить не смея спереди;
Солдат противный же и мимо
Его не может проходить;
Не то, не дав пути свершить,
Он бьет его неумолимо,
И место то берет в удел,
Где дерзкий враг пройти хотел *.

Так твердой выстроив стеною
Войскà в порядок боевой,
Враги, не начиная бою,
Бросают жребий меж собой,
Кому из воинов сначала
Удар направить на врага, –
И очередь на черных пала.
Корà, их доблестный глава,

---

* Это правило требует разъяснения. Когда пешка, желая сделать двойной шаг, должна при первой клетке, пройти мимо противной пешки, таким образом, что еслиб проходящая остановилась на первой клетке, то противная пешка ее бы убила; то, несмотря на то, что проходящая там не останавливается, а идет далее, противная пешка все-таки ее берет и становится не на той клетке, где та хотела стать, а на той, которую она пройти думала (*Прим. перев.*).

Уверившись, что все готово,
К главе другому молвил слово:

– «Закон войны жесток, суров,
Он должен быть священ герою;
Что мне известно – я готов
Делить, соперник мой, с тобою;
И ты, из сердца глубины,
Что знаешь, все открой, поведай:
Чем строже правила войны,
Тем усладительней победа.

«Из нас лишь только кто-нибудь
Дерзнет бойца отправить в путь,
Или перстом его коснется, –
Пусть так уже и остается:
Идти обязан ратник тот;
Но если нет в пути свободы,
Другими заняты все ходы, –
Пусть за него король идет.

«Иль если кто из нас в забвеньи
Коснется ратников врага, –
Пусть бьет того без сожаленья,
Кого лишь тронула рука.
Когда ж то был простой лишь случай,
И нет врага, кого бы мог,
Своим бойцом свалить он с ног,
То и тогда король могучий,

Ответствуя за свой народ,
Обязан выступить в поход.

«Когда отвагою водимый
Солдат простой, идя вперед,
До верхней линии дойдет
Благополучно, невредимо,
Сквозь гром войны, сквозь вражий стан, –
Тогда военный знатный сан
Ему дается в награжденье:
И почести, и смелый ход
Себе в удел храбрец берет
Вельможи павшего в сраженьи.

«Когда ж из знатных ни один
Еще не пал на бранном поле,
Или носил неважный чин
Вельможа тот, кого нет боле, –
Тогда на месте пусть стоит
Храбрец тот, с твердостью булата,
Приняв надежды смелый вид, –
И первый случай оживит
В особе храброго солдата
Того, кого врага удар
Из списка вычеркнул бояр.

«Я кончил правила сраженья;
Они не все, их много есть;
Но в настоящее мгновенье

Я не берусь их перечесть.
Скажи ж и ты, соперник, смело
Свои законы нам теперь;
Скорей, спеши! пора за дело...» –
И начал речь свою Хебéр:

– «Погиб король – нет битвы боле,
Всему конец, народ в неволе,
А победителя удел
Венок – эмблема славных дел.
Но знай, что тот себя бесславит,
Кто бьет владыку второпях;
А прежде чем удар направить,
Должно воскликнуть громко: «шах!»
И тем от нежданного страха
Гонимого избавить шаха.

«Когда ж спасти царя от мук
Не могут уж земные силы,
И ужас смерти и могилы
Ему грозит из вражьих рук;
Тогда, как ангел-истребитель,
Направив в грудь ему булат,
Пред ним стоящий победитель
Обязан крикнуть: «шах-и-мат!»
Но кто, прельстясь минутной славой,
Забыл сей лозунг произнесть,
Тот потерял атаки право,
И царь спасен, коль способ есть.

«Когда ж притиснутый толпою
Своих безжалостных врагов,
Король, с поникшей головою,
Стоит, лишенный сил и слов;
Дорога в даль ему закрыта,
А войск его большая часть
Или врагу досталась в власть,
Иль окончательно побита, –
То и тогда конец войне;
Но ни в одной нет стороне
Ни первенства, ни предпочтенья:
Равны их силы и уменье... *

«Вот кончен наш устав войны,
Из древних взятый сочинений,
По нем сражаться мы должны,
Без перемен и исключений.
Начни ж, товарищ, первый ход,
Готово войско, час не ждет...
А ты, достойное собранье,
Пришедшее смотреть на бой,
Тебе закон – хранить молчанье,
Не нужен нам совет чужой...» –

И молча поле окружили
Все зрители, и жадный взгляд
На место битвы устремили:

---

* Пат (*Прим. перев.*).

Все в нетерпеньи знать хотят
Начальный приступ битвы этой:
Кого сперва пошлет Кора́,
Кто, жаром славы разогретый,
Воскликнет первое «ура»...

II.

Вперед, вперед, не унывай
Рассказ мой, скромный сын преданий!
Развейся смело, не скрывай
Подробностей невинной брани.
Читай нам повесть старины,
Куда кто шел, за кем гонялся;
Как жребий кончился войны,
Кто пал со славой, кто остался.

Не унывай, когда упрек
Нечистых уст тебя коснется: –
Тебя лишь слушает знаток,
В его душе лишь отзовется
Понятный звук твоих речей
И чудный смысл иносказаний; –

Так лейся ж плавно, как ручей,
Рассказ мой, скромный сын преданий! *

И Вам, читатели, к чему
В догадках путаться, теряться;
Хотите пищу дать уму,
Хотите битвой любоваться, –
Доску кладите пред собой
Постройте воинов рядами…
Глядите – завязался бой…
Вперед, вперед, друзья, за нами!…

Вот *царский* выступил солдат
Бесстрашно, бодро, как в параде;
Свой шаг *удвоив*, скорым маршем
Сомкнутый фронт он разомкнул,
И тем открыв дорогу старшим,
Им дал свободу и разгул;
Так каждый воин начинает,
Искусный в правилах войны.
Так и с противной стороны
Солдат навстречу выступает.

И шлет Кора́ вторично в путь
Солдата, что пред воеводой;

---

* В подлиннике поэт тут обращается к своей лире: мне это показалось слишком устарелым и я заменил *лиру рассказом* (*Прим. перев.*).

И он *вдвойне* хотел шагнуть,
Прельстясь простором и свободой;
Но лишь, окончив смелый шаг,
Храбрец на месте укрепился,
Как в бок ему вцепился враг –
И хладным трупом он свалился.

Взгорело местью, как пожар
У воеводы ретиво́е:
Он прицелился – и удар
Убийцу вновь швырнул из строя...
С Хебера правого крыла
Поспешно, быстро, как стрела,
Рванулся витязь на свободу
И смело встретил воеводу;
Его вельможа не страшит:
Покорный раб за ним стоит... *

Стрелку на *белом* надоело
Глядеть бездейственным лицом,
Он стал, шагнув отважно, смело,
У воеводы за плечом;
Но лишь мгновенье в тесной паре

---

* Тут однакож каждый заметит, что не только на пешку опирается *конь*, но и *ферзь* тоже его защищает. Впрочем этот промах поэта не важен: дело в том, что *конь* смело делает этот ход, не опасаясь ничего (*Прим. перев.*).

Стояли гордые бояре;
Их вздумал недруг разрознить;
И вышел поступью *надменной*
Из вражьей рати раб презренный
И воеводе стал грозить.

Вельможный князь, для избежанья
Ударов злобного врага,
Стал *перед ним* – и расстоянья
Меж ними клетка лишь одна;
Тогда солдат, что в белом поле
Им защищался *правый* конь,
Железной повинуясь воле,
Смиренно выступил в огонь...

Быстрей чем мановенье ока,
Неумолимей чем судьба,
Стрелок пустился на раба
И бросил труп его далеко [*].

---

[*] Тут читатель, увлеченный чтением, может легко впасть в ошибку и подумать, что слон берет ту пешку, которая сделала предыдущий шаг. Но непременно следует обращать внимание на выражения: *смиренно*, *тихо* и т.п., означающие только *один* ход, а не двойной. Следовательно, та пешка, сделав один шаг, осталась на *черном*, и слон ее брать не может, а есть другая, стоящая по его линии, и об ней-то говорится в этих четырех стихах (*Прим. перев.*).

Но громко завопила честь
У воеводского солдата:
Его душе потребна месть
За смерть товарища-собрата;
Он собрал дух, ступил – и вот
К убийце дерзкому идет.

Не вынесла душа злодея
Напора храброго врага;
Стрелок, от страха цепенея,
Назад вернулся два шага
И, грозной избегая мести
На прежнем укрепился месте.
Тогда от правого крыла
Стрелок, из белых, отделился
И, не дошедши до угла,
Меж трех солдат остановился:
Из этой скрытой глубины
Он строит планы для войны...

Меж тем, прельстясь призывом славы,
Не вытерпел наездник *правый*
И стал, окончив свой скачок,
Под воеводин правый бок...
Тогда доро́гой неприкрытой
Хебе́р поспешно завладел,
И ставит шаха под *Защитой*,
Вне расстоянья вражьих стрел,

Чтобы не мог главы венчанной
Врасплох сразить удар нежданный.

Так не замедлил и Кора́
Защитить черного царя
От неожиданных гонений...
Вдруг белый конь, как злобный гений,
Помчался быстро на раба –
Не много длилася борьба:
Солдат погиб – а всадник белый
На воеводу мечет стрелы.

И стало князю горячо
От этой удали упорной...
Он двинул правое плечо
К наезднику из рати черной,
И вместе с тем спокойно тыл
К *Защите* царской обратил.
Тогда наездник, что дотоле
Стоял без дела в белом поле,
Коню лихому шпоры дав,
Налево бросился стремглав.

Но тщетно славы добивался
Безумец храбрый: он как раз
К стрелку под выстрелы попался –
А у того надежен глаз, –
И в вечный мрак сырой могилы
Его низверг он в цвете силы...

Тогда за пролитую кровь
Вскипела местью грудь солдата; –
Как рок он праведен, суров,
А сердце доблестью богато:
Он поразил убийцу в бок, –
И пал бесчувственно стрелок…

Вдруг звуки труб среди народа
Послышались, – и воевода,
Возвысив гордую главу,
С триумфом поднял булаву,
И раз вперед ступив, не боле,
Остановился в белом поле.
Но витязь бросил беглый взгляд
На этот ход – и ужаснулся;
Вблизи его стоял солдат;
К нему с мольбой он оглянулся, –
И тот шагнул, шагнул *слегка*
Спасать от смерти ездока.

Не на веселье раб покорный,
Однако ж, двинулся вперед;
Ему солдат из рати черной,
Спеша, навстречу смерть несет;
Но рыцарь, верный долгу чести,
Услуг не любит забывать, –
Он воротился и опять
Коня сдержал на прежнем месте,

Чтобы удар иль отклонить,
Иль тем же тотчас отплатить.

Солдат, прямой питомец брани,
Не выступил из приказаний:
Угрозы смерти нипочем
Тому, кто смерти не страшится, –
Он бьет врага и сам ложиться
Готов под вражеским мечом;
Так и свершилось: мститель скорый
В лице наездника восстал, –
Он в бок коню вонзает шпоры
И бьет солдата наповал…

Вот воевода, пламенея
Отвагой, грозно стороной
Подвинулся и стал правее,
Коснувшись витязя спиной;
На шаг единый глубже в сечу
Стрелок к нему ступив навстречу,
Рукой привычной начал вдруг
Натягивать свой крепкий лук.

И гневно грудь затрепетала
У воеводы… как гроза
Ступил вперед он два раза –
И бедного раба не стало.
Тогда к нему под самый бок
Дерзнул приблизиться ездок;

Отвагой рыцарской владея,
Ему не страшен гнев злодея:
За ним недвижен, как гранит,
Солдат защитником стоит.

Тут черный царь в раздумьи взоры
На поле битвы обратил, –
Ему опасно без опоры
Стоять в виду враждебных сил;
Он тихо взял направо боком,
Чтобы в закрытии глубоком
Глядеть на ход войны. Но вновь
В наезднике бушует кровь, –
К коню коня он приближает,
И, притаив лукаво дух,
Он весь – вниманье, зренье, слух:
Он там раба подстерегает.

Но вот стрелок, к царю назад
Вернувшись, стал; ему спасеньем
Обязан преданный солдат.
Наездник вдруг с ожесточеньем
Пустился вскачь в обратный путь,
Лишь вьется пыль под копытами,
И воеводе целя в грудь,
Скрежещет яростно зубами.
Его жестокости страшась,
Стал отступать вельможный князь,
И чтоб подальше быть от сечи,

Он к пушкарю придвинул плечи...
Тогда на битву беглый взор
Бросает воевода белый,
Как будто воин опьянелый,
Стоял он, молча, до тех пор, –
Теперь пуститься в упражненье
Пора, пора его руке –
Он взял кривое направленье
И сзади стал при ездоке...

Из трех солдат, стоявших рядом
Один, что с правого крыла,
Повел кругом бесстрашным взглядом,
С отвагой юного орла.
Его снедает славы жажда,
Победный лавр его кумир, –
И он, ступив по полю *дважды*,
Летит на драку, как на пир...
И белый царь тогда же в дело
Раба из первой клетки шлет,
Но будто нехотя, *несмело*
Тот на побоище идет.

И вот солдат от крайней пушки
Ступил на шаг; храбрец твердит
Привык, что жизнью, как игрушкой
Обязан воин дорожить.
Ему на месте грустно, душно,
Он битв привычное дитя –

И в бой идет он равнодушно,
И поражает он шутя.
Так и ему навстречу *белый*
Пустился храбростью влеком:
И им отвага овладела,
И он со страхом не знаком.

– «Иди ж и ты, слуга мой верный, –
Солдату всадник говорит,
И тот орлом вперед летит,
В порыве храбрости безмерной,
И *широко* дерзнув шагнуть,
Не шевельнул он даже бровью,
А смело выпрямивши грудь,
Он стал; его упиться кровью
Давно уж раб противный ждал, –
Удар раздался, – храбрый пал.

Но не прошло убийство даром,
Нашелся грозный мститель вдруг:
Восстал солдат, как злобный дух,
И отплатил удар ударом...
Тогда в уме у пушкаря
Блеснула мысль о новосельи, –
Он отделился от царя,
Наскучив тягостью безделья,
И, чтоб на черном стать он мог,
Шагнул он трижды в поперек.
Вот, подвигаясь молчаливо,

Налево стал вельможный князь,
Спиной коня касаясь гривы,
А боком к пушке прислонясь.
Меж тем солдат от пушки крайней,
(Храбрец, лихая голова),
Услышав гул кипучей брани,
Вперед подался раз-и-два.

Тут витязь, что с начала боя
Стоял на месте пригвожден,
От сна очнулся: кровь героя
Воспламенил оружья звон;
Его товарищ, конь ретивой,
Летит, тряся косматой гривой,
И вдруг налево стал столбом.
Тогда пушкарь, стоявший с края,
Пустился за своим рабом;
Врагов преследовать желая,
Боярин спесь свою забыл
И стал к рабу под самый тыл...

Вот воевода, встрепенувшись,
Пошел вперед *прямым* путем
И стал на белом, чуть коснувшись
Плеча коня свои плечом.
А белый раб, воитель редкий,
Любовью к подвигам горя,
Отстал на шаг от пушкаря,
Стремяся прямо к черной клетке, –

И мысль солдата-смельчака,
Как моря бездна глубока́.

Однако ж битвы хитрых правил
И воевода не забыл:
Он бок наездника оставил
И косо шаг вперед ступил;
Тут полагал он план великий
Внезапно, быстро развернуть;
Но вздумал и стрелок шагнуть
Назад, под левый бок владыки
Глубок, хитер стрелка расчет;
Лишь тонкий ум его поймет.

Вдруг *правый* всадник с страшным гиком
На князя яростно летит,
Его в припадке злобном, диком
Готов он жадно проглотить…
Пришлось спасаться воеводе,
Хоть не труслив он по природе, –
И шаг *утроив* в ширину,
На черном с одного размаха
Он очутился, и – от страха
Дрожа, к стрелку прижал спину…

Но тучей-бурей грозно мчится
На воеводу конь *второй*…
Удар готов – полуживой
Стоит гонимый пред убийцей, –

И скоро, скоро разразится
Беда над царской головой…
Но прежде, чем конец сраженья
Судьбы укажет приговор,
На предстоящих бросим взор, –
Чтобы узнать их помышленья:
Что̀ волновало их сердца?
Какого каждый ждал конца?

Когда б восстали все стихии
На землю общею войной,
И, мчася, тучи огневые
Стреляли б камнем в шар земной,
И пали б горы вековые
С ужасным грохотом во прах, –
То всех живущих трепет, страх
Не мог сравниться бы с томленьем
Друзей Хебéра в этот миг,
Когда полуразбитый, их
Он изумил своим паденьем…

И как несомые волной
По океану волей бури
Пловцы, увидев пред собой,
Как точку в синеве лазури,
Едва заметное вдали
Подобье острова, земли,
Готовы падать на колени,
В избытке сильных ощущений, –

Так пасть готов был той порой
Весь сонм друзей перед Коро́й,
Чтобы излить тому все чувства,
Всю бездну пламенных похвал,
Кто так достойно оправдал
Свое глубокое искусство…

А он!… изобразить его
Не стало б силы и уменья;
Он весь был радость, торжество,
Он был живое восхищенье.
От битвы взор он отвратил,
Подумав, что соперник бедный,
Лишенный способов и сил,
Ему бесспорно уступил
Награду храбрых – лавр победный; –
Не тратя времени и слов,
Он с места встать уж был готов.

Но поле битвы хладнокровно
Тот тронул смелою рукой, –
И предстоявшие безмолвно
Переглянулись меж собой, –
И *косо* двинув воеводу,
С улыбкой скромной на устах,
Он посмотрел в глаза народу
И внятно, громко молвил: «шах!»

До высшей степени разгара
Достигла в ту пору борьба, –
И пал вельможа от удара
Вблизи стоявшего раба...
Покрылись ужасом все лица,
Когда погиб внезапно князь;
Но дерзкому остановиться
Не дал стрелок, – стрела взвилась –
И трупом сделался убийца, –
А у царя гремит в ушах:
«Беги от смерти, черный шах!» –

Давно ль на поле громкой славы
Царю все кланялось до ног!
Теперь от всей его державы
Ему остался уголок...
Туда бежит король гонимый,
Под сень бессильных двух рабов,
И думает, что там незримым
Он остается от врагов;
Но конь заржал, и всадник белый,
Презрев постыдный смерти страх,
Летит вперед, как угорелый,
Неистово взывая: «шах!»

Еще он рокового слова
Не вымолвил, а смерть готова:
Солдат предстал ее жрецом –
И пал наездник и с конем;

Но белый раб в мгновенье ока
Разбил убийцу в пух и прах, –
Погиб солдат. А издалека
Пушкарь кричит: «спасайся, шах!»

Но скачет конь... «Посторонитесь!»
Раздался крик между толпой;
Назад помчался черный витязь
И оградил царя собой.
Тогда *второй* пушкарь Хебéра
Пустился, словно на крылах,
И с лютостью лесного зверя
В стрелка вцепившись, крикнул: «шах!»

И вдруг пушкарь, силач бесстрашный,
Врага мгновенно подстерег;
Начался бой, бой рукопашный,
И *белый* так же мертвым лег.
Но вот беда с другого края
Несется прямо на царя:
От рук железных пушкаря
Коня постигла гибель злая, –
И страшно, будто гром в горах,
Раздался вещий оклик: «шах!»

Еще угроз своих гонитель,
Вполне царю не досказал,
А уж солдат, как ангел-мститель,
Пред очи дерзкого предстал; –

«Умри, сказал он: я не дремлю!...»
И повалил врага на землю;
Но тут, держа свой лук в руках,
Стрелок царя бросает скоро,
И шаг ступив, он грозно взоры
Вперил в врага со словом: «шах!»

Тогда главу посыпав прахом,
Пушкарь, с смирением и страхом,
Земной желая кончить путь,
Под выстрелы подставил грудь,
И пав, рыдая, на колени,
Воззвал к стрелку: «Мои моленья
Услышь, о враг! меня сперва
Убей, – пусть не увидят очи,
Как ляжет в гроб, в жилище ночи
Мой повелитель и глава!...»
И в миг молящего не стало...
Стрела взвилась, звенит булат, –
И тяжко поле застонало,
И это вторит: «шах-и-мат!...»

Настала тишина в собраньи,
Замолк вдали победный гром.
И все без слов, без восклицаний,
Стоят, не двигаясь, кругом.
Кора́, глазам своим не веря,
Дивится мудрости Хебе́ра,

И камнем горе залегло
В груди истерзанной его…
Но он удар судьбы смиренно
Решился перенесть, и вид
Приняв веселый, откровенно
При всех Хебе́ру говорит:

– «О, где, товарищ мой, граница
Твоих познаний? Выше хвал
Они! Я тщетно б стал трудиться;
Напрасно ум я напрягал,
Чтоб часть их малую исчислить;
Но кто как ты умеет мыслить,
Чей глаз так видит глубоко,
Того ценить не так легко…
И не стыдит меня паденье!…
Кто состязался с силачом,
Тому паденье нипочем:
Ему осталось утешенье
В утрате горестной, что он
Рукой искусной побежден. –»

И вдруг, как ветр неукротимый,
На волю из ущелий гор
Рванувшись, свищет, – грянул хор:
«Виват, Хебе́р непобедимый!»

. . . .

Скрывалось солнце за горой;
Деревья будто исполины,
Качая гордо головой,
Ложились тенью на долины;
И вслед за потухавшим днем,
Горя на западе огнем,
Стояли облака густые,
Как будто горы золотые.
То час вечерний наступал,
Предшественник угрюмой ночи;
Все было тихо, лишь жужжал
Рогатый жук, да что есть мочи
С горы на гору, с пня на пень
В знакомый лес скакал олень.
И дружно вся толпа из сада
Домой вернулась на покой,
Там храброго ждала награда,
Там в честь ему дан пир горой,
Искрилась чаша круговая,
Восторг в очах у всех блистал,
И всяк, свой кубок выпивая,
Хебе́ру счастия желал…
И вот в толпе одушевленной,
Брянча на лире золотой,
Певец явился молодой,
Как прорицатель вдохновенный.
Он мощный взгляд обвел кругом, –
Умолкли все – дохнуть не смея, –

И льется речь живым ключом
Из уст поэта-чародея.
Он пел про битву двух сторон
Про глубину соображений,
Как сильный сильным побежден,
Как с хитростью боролся гений.
И каждый шаг, и каждый ход
Он в рифму звонкую кладет.
И стройный стих, не спотыкаясь,
Разгульно скачет с языка, –
Так, из плотины вырываясь,
Бежит стремительно река.
И вся толпа рукоплескала;
А между тем невдалеке
Рука искусная писала
Слова поэта на доске.
С тех пор живет в устах народа
Рассказ глубокой старины:
Об нем твердили в род из рода
Востока пылкие сыны;
И к нам через многие лета,
Как быль исчезнувших времен,
Рассказ восточного поэта
Седым преданьем занесен.

הקרב

שיר מאת

יעקב אייכענבוים

כִּי בְתַחְבֻּלוֹת תַּעֲשֶׂה־לְּךָ מִלְחָמָה

(משלי כ״ד ו׳)

(הוצאה שניה)

אדעסא

בדפוס מ. א. בעלינסאן

תרל״ד

Титульный лист поэмы на древнееврейском (Одесса, 1874)

לכבוד

המשכיל ונבון דעת, יקר רוח ובר לבב, והנגיד הנכבד והנעלה

מוהר"ר

זלמן הורוויץ

נ"י

מקציני תושבי אדעסא

מנחת מזכרת

מאת

המחבר

אדעסא כ"ד אלול תקצ"ט.

עַם וּשְׂפָתוֹ יַחַד חֹבְרִים לָנֶצַח
כְּזֹרַח שִׁמְשׁוֹ אָז גַּם הִיא פּוֹרַחַת
אַךְ אִם יִכָּנַע מִפְּנֵי שֹׁד וָרֶצַח
גַּם הֲדָרָתָהּ תִּכְלֶה מִלֵּב נִשְׁכַּחַת
אֹהֲבָיו יַעַנְדוּהָ כַּצִּיץ עַל מֵצַח
וּבוֹזָיו יֹאמְרוּ אֵין בָּהּ שֶׁמֶץ נַחַת
עַל כֵּן שַׂמְתִּי שִׁמְךָ לְשִׁירַי עֲטֶרֶת
וּלְעֵין שֶׁמֶשׁ אֲכַבֵּד בּוֹ לְתִפְאֶרֶת
כִּי אֶל יִשְׂרָאֵל דֹּרֵשׁ טוֹב הִנְּךָ
לָכֵן גַּם לְשׁוֹנוֹ יִנְעַם אֶל חִכֶּךָ.

Первые страницы поэмы с авторским посвящением «одному из старейшин Одессы», «образованному, разумному, благородному духом, добросердечному, достопочтенному и знаменитому мудрецу» Залману Гурвицу

Приложение I

ГАКРАБ. БИТВА. *Дидактическая поэма. Перевод с еврейскаго.* О. Рабиновича. (*Одесса,* 1847, *в*-16., *стр.* 56).

Вот неожиданное явление!... дидактическая поэма в царствование романтизма – поэма о шахматной игре – и притом перевод с еврейскаго. Все это так любопытно, что нельзя не предаться прельщению. Поэма древностью своей не восходит до времен Авраама; она создана лет семь тому назад, не более, известным еврейским поэтом Эйхенбахом и, в свое время произвела глубокое впечатление между израильтянами и эбраистами. С гомерическим воинственным одушевлением, поэт изображает шахматную игру в виде жаркой битвы героев, и муза его возвышается по временам до лирических восторгов.

[*Далее на протяжении восьми с лишним журнальных страниц следуют обширные цитаты из поэмы*]

Переводчик этой забавной поэмы – тоже Израильтянин и, как вы видите, прекрасно владеет русским стихом – что также очень любопытно.

(*Библиотека для чтения*. СПб., 1847. Т. LXXXIV. Отд. IV.)

Приложение II

Г а к р а б. (Битва). *Перевел с еврейскаго* О. Рабинович. *Одесса. В тип. А. Брауна. 1847. В 16-ю д. л.* 56 стр.

Из предисловия переводчика этой поэмы узнаем, что она сочинена «лет семь тому назад Я. Эйхенбаумом, известным в литературном мире Евреев своим прекрасным поэтическим талантом». Далее переводчик присовокупляет, что «она в свое время наделала много шума между занимающимися еврейскою литературою...» Что̀ же, вы думаете, это такое? в чем заключается содержание этой поэмы? Какие звуки издает ныне лира, которая, в дни плена, угрюмо и безгласно висела на ивовых ветвях у рек вавилонских?.. И кто этот дерзновенный, нашедший эту лиру, уже много веков, после разсеяния иудеев по лицу земли, забытую, вероятно, тоже при каких-нибудь реках, на ветвях зеленых ив? и какие звуки он извлек из нея?.. Увы, это уже не те песни, которые воспевались перед Сионом; не пророчества Исаии, грозящие пожаром и кровью ликующим градам и весям; не вопли Иеремии, посыпавшаго главу пеплом и ходившаго по развалинам соломонова града; не яркий, дышащий Востоком стих «Песни Песней»... Нет, еврейская муза, следуя за разсеянными потомками Израиля, должна была принять в себя много чуждаго! Но тем не менее любопытно взглянуть, что̀ сталось с нею в ея вечном странствии... Увы! от гнева Иеговы, от громоподобных стихов, какими она воз-

вещала народам его кары, она обратилась к предметам более-темным, и из земных предметов остановилась на одном, который европейские народы вызывал только на глубокомысленныя размышления и не был еще никогда предметом песен: это просто игра в шахматы, представленная в виде битвы!

Сначала автор разсказывает стихами значение каждой фигуры:

Так с каждой стороны готовых
Идет шестнадцать удальцов (пешки),
Смесь пестрая вельмож суровых
С толпою преданных рабов.
Всю славу, почесть от народа
Имеет венценосный *царь*;
За ним всесильный *воевода*,
За этим доблестный *пушкарь*,
А витязя и встарь и ныне
С стрелком в одном считают чине.

(Стр. 16)

Потом правила игры:

Всяк воин, выступая в бой,
Занять не смеет клетки той,
Где друг иль враг остановился:
Итти он должен лишь туда,
Где нет чужаго и следа;
Но если на пути случился
Ему помехой враг лихой,
Тогда упрямаго он смело

Сшибает с ног, и вон за строй
Убитаго бросает тело,
И пост того, кого убьет,
Себе в награду он берет.

(Стр. 17)

Да это чрезвычайно-любопытно! Это какая-то совершенно-особенная, оригинальная муза! На древне-еврейскую она не похожа; на европейскую тоже... то-есть, если хотите, она и напоминает какую-то странную музу, которая вдохновляла в былое время своим любимцам стихи в этом роде:

Si declinare domus vis, –

и другия, часто весьма-длинныя поэмы, которыя писались в средния века латинскими мертвыми виршами... Именно это та же муза, особенная, *филистерская*, если угодно; должно быть десятая; она жительствует не на священных вершинах Пинда, от-чего и не была известна древним, а в дымном полумраке немецких трактиров, где курятся грошевыя сигары, пьется бездонными кружками баварское или богемское пиво, читаются готическия газеты, постукивают кости домино, и за шахматной доской возседают толстые счастливые филистеры, доставляющие себе невинное развлечение умной игрой, несколько приводящей в движение спокойную кровь... Оно и не мудрено: еврейская муза, скитаясь по лицу земли, завернула в эти шинки, освоилась с их ларами, подружилась с их посетителями – а известно, с кем поведе-

шься, от того и наберешься. Впрочем, она сохранила еще некоторыя азиатския черты, – эти яркия глаза и кудреватую речь. Послушайте, ка́к она воспевает битву своих костлявых героев:

Быстрей чем *мановенье ока*,
Неумолимей чем судьба,
Стрелок пустился на раба
И бросил труп его далеко.
Но громко завопила честь
У *воеводскаго солдата:*
Его душе потребна месть
За смерть товарища собрата;
Он собрал дух, ступил – и вот
К убийце дерзкому идет.

. . . .

Вдруг белый конь, *как злобный гений*,
Помчался быстро на раба –
Не много длилася борьба:
Солдат погиб – а *всадник* белый
На *воеводу* мещет стрелы.
И стало князю *горячо̀*
От этой удали *упорной*...
Он двинул правое плечо
К наезднику из рати черной,
И вместе с тем спокойно тыл
К *защите* царской обратил.
Тогда наездник, что дотоле
Стоял без дела в белом поле,
Коню лихому шпоры дав,

На лево бросился стремглав.

Но тщетно славы добивался
Наездник храбрый: он как раз
К стрелку под выстрелы попался –
А у того *надежен глаз –*
И в вечный мрак сырой могилы
Его низверг он в цвете силы…

(Стр. 33)

…Наездник вдруг с ожесточеньем
Пустился вскачь в обратный путь,
Лишь вьется пыль под *копытами*,
И воеводе целя в грудь,
Скрежещет яростно зубами.
Его жестокости страшась,
Стал отступать вельможный князь,
И чтоб подальше быть от сечи,
Он к пушкарю подвинул плечи…
Тогда на битву беглый взор
Бросает *воевода* белый,
Как будто воин опьянелый,
Стоял он молча до тех пор, –
Теперь *пуститься в упражненье*
Пора, пора его руке, –
Он взял кривое направленье
И стал сзади при ездоке…

(стр. 38)

… и т.д., до-тех-пор, пока наконец поле битвы не огласилось криком *шах* и *мат*!.. Обыкновенный конец шахматной игры, да и шахматных поэм…

(*Отечественныя записки*. СПб., 1847. Т. LIII. Отд. VI).

ΩΩΩ

Приложение III

Авраам ибн Эзра

Игра в шахматы

Бой воспою, что в древности придуман,
И издавна мужам пленяет ум он.
Ведут его два мудрых полководца,
И на восьми рядах сей бой ведется.
Ряды же эти – на доске разметка,
В них восемь отделений – к клетке клетка,
Все выложены плиткою квадратной,
И в них войска, готовы к службе ратной,
Два воинства, ведомые царями,
И расстоянье между лагерями.
И лица всех к сражению готовы,
И сделав ход, стоят на месте снова.
Они воюют без меча и лука,
Ведь их сраженье – разума наука.
На их телах пометы есть и знаки,
И потому они не одинаки,
И скажете, узрев их цвет и вид, вы:
Се, эдомитов и кушитов битва.
Сперва идут в сражение кушиты,
За ними же выходят эдомиты.
И пешие дают зачин сраженью,
И совершают первое движенье,
Идут друг к другу, и пленить готовы

Противника, свернув с пути прямого.
А ходит пеший, лишь вперед шагая,
И с поля боя вспять не убегая.
В начале на три клетки, коль захочет,
Он в сторону любую перескочит.
А если, отдалившись от отряда,
Он в странствиях достиг восьмого ряда,
Тогда в любую сторону способен
Он двигаться, во всем ферзю подобен.
А ферзь – он может вкось ходить по полю,
Четыре клетки ход его, не боле.
Слон бьет в бою то близко, то далёко,
Как из засады, нападает сбоку.
Как ферзь он, но немного уступает
Ему, зане, на три шага ступает.
А конь в сраженьи очень легконогий,
Он скачет по извилистой дороге,
Изгибами нетоптанными мчится,
И три ячейки – вот его граница.
Ладья идет дорогою прямою
И вдоль, и поперек по полю боя.
Она кривой дороги не попросит,
И никогда стези своей не скосит.
А царь на клетку лишь одну шагает
Вокруг себя, и слугам помогает.
На месте ль он, воюет ли средь стана –
Остерегаться должен постоянно,
Ведь если враг, вдруг прянув из засады,
Грозит царю – ему спасаться надо,
И коль теснят его ладьи и кони –
Бежит из клетки в клетку от погони,
То он спастись от их угрозы сможет,

А то, врагов толпа его обложит.
И все разят направо и налево,
Друг друга бьют, исполненные гнева,
Герои двух царей уже убиты,
Повержены, а кровь их не пролита.
Порою Куш теснит войска Эдома,
И те бегут, спасаясь от разгрома,
Порой Эдом одолевает Куша,
Царя их и войска круша и руша.
И царь уловлен в ковах и в осаде,
И тщетно умоляет о пощаде,
И нет ему укрытья и спасенья,
За крепостной ему не скрыться сенью,
Напасть, беда ему от супостата,
И он в тисках погибели и мата,
И умирает вся его дружина,
И души отдают за господина,
Ушла их слава и почет великий,
Когда в живых не стало их владыки.
И тут же, для сражения второго
Все павшие в бою восстанут снова!

Пер. с иврита Шломо Крола

2 R. Abr. Aben-Ezræ

חרוזים על שחוק שח-מט להרב אברהם
אבן-עזרא ז"ל

אשורר שיר ומלחמה ערוכה
קדומה מן ימי קדם נסוכה
ערכוה מתי שכל ובינה
קבעוה עלי טורים שמונה
ועל כל-טור וטור בהם חקוקות
עלי לוח שמונה מחלקות
והטורים מרבעים רצופים
ושני המחנות עומדים צפופים
מלכים נצבו עם מחניהם
להלחם והיא בין שניהם
פני כלם להלחם נכונים
והמה נוסעים תמיד וחונים
ואין שולפים במלחמתם חרבות
ומלחמתם מלחמת מחשבות
ונכרים בסימנים ואותות
בפגריהם רשומות וחתומות
ואדם יחזה אותם רגושים
ידמה כי אדומים הם וכושים
וכושים בקרב פשטו ידיהם
אדומים יצאו אל אחריהם

והרגלים

Historia Shahiludii. 3

Carmina-Rhythmica de Ludo Shâh-mât, R. Abraham Abben-Ezræ, beatæ memoriæ.

Canam Canticum præliumque instructum,
Antiquum, à diebus antiquitatis institutum.
Instruxerunt illud viri prudentiæ & intelligentiæ,
Qui constituerunt illud octo ordinibus.
Et ad singulos ordines inibi exarantur
Super Tabella octo partitiones.
Hi autem ordines sunt quadrati constrati,
Et duo castra stant pressim.
Reges collocantur cum castris suis,
Ad gerendum bellum quod futurum est inter ipsos.
Omnium vultus ad præliandum parantur,
Ipsiq; semper vel progrediuntur vel castrametantur.
At non stringunt gladios in bello suo,
Nam bellum eorum est bellum imaginarium.
Et discriminantur certis notis & signis
In corporibus illorum notatis & insignitis.
Quicunque viderit eos tumultuantes,
Imaginabitur eos esse Edomæos & Cushæos.
Cushæi enim in bellum irruunt manibus suis,
Et Edomæi egrediuntur post illos.

A 2 Et

Первая публикация поэмы ибн Эзры в книге Томаса Хайда «De Historia shahiludii tria scripta hebraica» (1689)

Комментарии

Мемуарные записи Б. Эйхенбаума приведены по изданию: Эйхенбаум Борис. *Мой временник: Словесность. Наука. Критика. Смесь.* Л., 1929. В нашей книге полностью воспроизведена вступительная главка «Гакраб» (Отрывки из родословной)». Фрагмент, начинающийся словами «Литература в детстве не была задумана», является частью главы «Путешествие по Европе». Поэма Я. Эйхенбаума печатается по новой орфографии, с исправлением издательских опечаток, в соответствии со вторым одесским изданием 1874 г.

С. 6.

«Гакраб» – Правильней *ha-krav* (ивр.) – сражение, битва, борьба.

Маленькая анонимная книжка… – Речь идет о первом анонимном издании поэмы (1924), выпущенном изд. «Макиз» (Московским академическим издательством). Поэма Я. Эйхенбаума в переводе О. Рабиновича неоднократно переиздавалась, нередки издания без имени автора, в которых «Битва» представлена анонимной «древней поэмой»: *Гакраб (Битва). Пер. с евр. О. Рабиновича.* Одесса, 1847. *Гакраб (Битва). Соч. Я. Эйхенбаума. Пер. с евр. О. Рабиновича.* Одесса, 1874; *Гакраб (Шахматная поэма).* СПб., 1904; Эйхенбаум Я. *Гакраб (Битва). Поэма.* Варшава, 1909; *Древняя поэма о шахматной игре.* М., 1924; *Древняя поэма о шахматной игре.* М., 1995 и пр.; поэма была вклю-

чена также в третий том сочинений О. Рабиновича (Одесса, 1888) и в сб. *Шахматные новеллы* (М., 2009). Анонимному московскому изд. 1924 г. Б. Эйхенбаум посвятил рецензию в кн. IV журн. «Наш современник» (1924), которая в расширенном виде составила главу «Отрывки из родословной» в кн. «Мой временник» (1929).

Местечке Тышовце… – Тышовце, местечко в бывш. Люблинской губернии, ныне городок Тышовце в Люблинском воеводстве Польши.

От Замосця… – Замосць (Замостье), город в бывш. Люблинской губернии, в наст. время г. Замосць в Люблинском воеводстве Польши.

С. 7.

Из местечка Христианополя… – Имеется в виду город Кристинополь в Галиции, отошедший к бывш. СССР по обмену территориями с Польшей в 1951 г. (в наст. время Червоноград Львовской области Украины).

С. 8.

Пунктуации еврейских письмен (segol, ƶereh и т.д.) – Применяемая на письме в иврите, состоящем в основном из согласных, система огласовок. «Сеголь» (три точки под буквой в виде равностороннего треугольника с острием вниз) транслитерируется как «е» или «э», «цере» (две горизонтальные точки под буквой) – как «э» и пр.

Пятикнижие… – Пять первых книг Библии: *Бытие*, *Исход*, *Левит*, *Числа* и *Второзаконие*, образующие первую часть еврейского Танаха (Ветхого Завета) – Тору.

Гемары… – *Гемара* – составная часть Талмуда, свод комментариев и обсуждений наиболее древней его части, известной как *Мишна*. Термин «Гемара» часто используется для обозначения Талмуда в целом и, видимо, именно в таком значении фигурирует у автора.

С. 9.

Перед Кивотом молитву «Галэл» (аллилуйя)… – Под Кивотом автор подразумевает украшенное помещение или шкаф в синагоге (*aron ha-kodesh*) для хранения свитков Торы, символическое отображение Ковчега (Кивота) Завета. Галэл (точнее «Халель», от ивр. *halel* – хвала) – праздничная молитва, восхваляющая Господа, состоит из текстов псалмов 113-118.

С. 11.

Творение – единственное в своем роде, а может быть и во всех литературах! – Это утверждение иначе, чем преувеличением, не назовешь. Шахматы упоминаются в индийской литературе с VII в., в арабской и персидской с X-XI в.; в конце X в. появляется и первое европейское произведение о шахматах, латинская поэма «Versus de scachis». В коллективной испанской поэме конца XV в. «Шахматы любви» Ф. де Кастелльви, Н. Виньолеса и Б. Феноллара в качестве аллегории любовного сражения описывается шахматная баталия между Марсом и Вене-

рой и излагаются правила игры. Непосредственным предшественником Эйхенбаума был итальянский гуманист и поэт, епископ Альбы Марк Иероним (Марко Джироламо) Вида (ок. 1485-1490 – 1566), автор изданной в первой трети XVI в. поэмы «Игра в шахматы», где рассказывается о шахматной партии между Аполлоном и Меркурием и излагаются правила шахмат. Вида заложил основы многих позднейших шахматных поэм: события на доске и движения фигур изображены в виде антропоморфной битвы, значительное внимание уделено поведению богов-игроков и зрителей. Необходимо упомянуть также о написанной под влиянием этого сочинения поэме польского поэта Яна Кохановского (1530-1584) «Шахматы» (опубл. 1564 или 1565), в которой игроки сражаются за право жениться на датской принцессе Анне. Шахматные фигуры у Кохановского наделены человеческими чертами, в поэме действуют пехотинцы, рыцари и боевые слоны, а ход игры изображен как битва двух армий. Были у Эйхенбаума предшественники и в еврейской литературе, в том числе знаток шахмат XIV или XV в. Бонсеньор ибн Яхья, сочинитель стихотворного описания игры в шахматы, и прежде всего р. Авраам бен Меир ибн Эзра (1089-1164), автор поэмы «Игра в шахматы» («Песнь о шахматах»), рассказывающей о шахматном сражении между мудрыми полководцами царств Эдома и Куша (Эфиопии), т.е. игроками и их белыми и черными фигурами; эта поэма, насколько можно судить, была хорошо знакома Эйхенбауму и напоминает его «Битву» (см. приложение III и прим. к с. 16 и 18). Шахматная тема занимает значительное место в литературе XX в. и в этом смысле было бы любопытно проследить возможное влияние поэмы Эйхенбаума, известной и русским, и европейским авторам.

Берестечко… – Местечко в бывш. Волынской губернии на р. Стыри, ныне г. Берестечко в Волынской области Украины.

Шесть отделов Мишны… – Мишна – часть Талмуда, первое крупное произведение раббинического иудаизма, содержащее изложение еврейских устных традиций (т. наз. «Устного Учения») и составленное в конце II - нач. III вв. р. Иегудой ха-Наси. Мишна состоит из шести разделов, заключающих в себе 63 трактата.

С комментариями Бартенура… – Бартенура – прозвище р. Овадии бен Авраама из Бертиноро, уроженца Италии, известного комментатора Мишны, путешественника и общественного деятеля второй пол. XIV в. (ум. в Иерусалиме ок. 1500). Комментарии р. Овадии считаются стандартным текстом при изучении Мишны.

Tofoth Iomtob – Правильно «Tosafot Yom Tov»; имеется в виду классический комментарий к Мишне, написанный в нач. XVII в. р. Йом Товом Липманом Геллером (1579-1654).

С. 12.

Еврей с научною книгою в руке… – Приводимый Б. Эйхенбаумом текст взят из журн. «Рассвет», следовавшего традициям «Хаскалы» («Просвещения») – еврейского просветительского, культурного и идейного движения, возникшего в Германии во второй половине XVIII в. Представители Хаскалы выступали за интеграцию евреев в европейское общество, ратовали за образование в облас-

ти светских наук, иврита и истории еврейского народа. Отсюда в статье здесь и далее нападки на традиционное религиозное образование и ученость. Несомненно, появление этой статьи в журнале объясняется тем, что его издатель и редактор О. Рабинович был переводчиком поэмы Эйхенбаума.

Навуходоносора, Аманы, Гонты – Перечислены гонители еврейского народа: Наувуходоносор, царь Вавилонии в 605 или 604-562 гг. до н.э., который в 586 г. до н.э. разорил Иерусалим, увел значительную часть населения в рабство и превратил Иудею в провинцию своей империи; Аман, персидский сановник, замысливший уничтожить евреев, о котором повествует библейская Книга Эсфирь; Иван Гонта (? – ум. 1768) – казачий сотник, участник крестьянско-казацкого восстания 1768 г. на Украине (Колеевщины), руководитель зверской резни около 20 тыс. евреев и поляков в г. Умань.

Sanctorium… – От лат. *sancta sanctorum*, святая святых.

С. 14.

Переменил название Гельбер на фамилию Эйхенбаум – *Gelber* (нем.) – «желтый», *Eichenbaum* – «дубовое дерево».

В начале 1820 года … снова в брак – Как указывает биограф Эйхенбаума Е. Меламед, в формулярном списке Эйхенбаума, составленном в 1852 г., у него значилось девять детей, в том числе восемь дочерей (см. Меламед

Ефим. «Все это так любопытно…»: История одной поэмы и одной жизни». *Мория.* 2006. № 6).

С. 15.

Под заглавием «Kol-Zimra»… – Букв. «Глас песнопения». Сборник Эйхенбаума, включавший также поэму «Четыре времени года», стал одной из первых поэтических книг российской Хаскалы и был высоко оценен современниками.

Лангбейна (Der Vatermörder)… – «Отцеубийство» – стих. популярного в свое время немецкого юмористического писателя и поэта А.Ф.Э. Лангбейна (1757-1835).

Шиллера (Der Ring des Polikrates, Die Burgschaft и т.д.)… – Баллады «Поликратов перстень» и «Порука» великого немецкого поэта, драматурга и теоретика искусства Ф. Шиллера (1759-1805), известные в русских переводах, соответственно, В. Жуковского и В. Левика.

Gelegenheitsgedichte… – Стихотворения на случай (нем.).

«История Андрокла со львом»… – По легенде, излагаемой Авлом Геллием и Элианом, беглый римский раб Андрокл встретил в пустыне льва и вытащил причинявшую зверю страдания занозу. В благодарность лев три года делился с Андроклом добычей. Когда и лев, и Андрокл были пойманы и привезены в Рим и Андрокл был брошен на съедение хищникам, лев на арене амфитеатра принялся ласкаться к беглому рабу; тронутый этим зрелищем император даровал обоим свободу.

С. 16.

О. А. Рабиновича… – Осип Рабинович (1817-1869) – адвокат по профессии, прозаик, публицист, видный деятель российской Хаскалы, пионер русско-еврейской литературы. Публиковался в альманахах «Литературные вечера», журн. «Современник», «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Русский вестник» и т.д. Был редактором и издателем первого русско-еврейского журн. «Рассвет» (Одесса, 1860-1861), призванного защищать гражданские и национальные интересы евреев России, где и был опубликован цитируемый Б. Эйхенбаумом биографический очерк (см. также прим. к с. 12).

Русские журналы поместили весьма лестные отзывы… – Рецензии на перевод О. Рабиновича были напечатаны в «Одесском вестнике» (1847), «Отечественных записках» (Т. LXXXIV, 1847) и «Библиотеке для чтения» (Т. LIII, 1847). В то время как «Одесский вестник», признавая чистоту и плавность стиха, называл поэму «игрушкой, которую можно допустить в область искусства именно потому, что она отделана умно и изящно», в «Отечественных записках» был помещен анонимный отзыв, где муза автора была названа «филистерской». Наиболее благосклонно отнесся к поэме анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» (эти отзывы приведены нами в приложениях).

Истолкование одного места в Iesod Mora соч. Ibn-Esra вовлекло Эйхенбаума в спор с знаменитым С. Д. Луцатто… – Речь идет о знаменитом средневековом еврейском философе, поэт, лингвисте, астрологе и математике р. Ав-

рааме бен Меире ибн Эзре (1089-1164) и его сочинении «Основа богобоязненности», объясняющем смысл библейских заповедей. Самуэль (Шмуэль) Давид Луццато (1800-1865) – итальянский еврейский ученый, поэт, филолог, один из основателей научного течения, получившего назв. «наука о еврействе». Полемика его с Эйхенбаумом касалась сокровенного смысла числа «десять» у ибн Эзры и была опубликована в «Керем хемед» (№ 9, 1841). Эйхенбаум привлек к себе внимание также спором с известным французским математиком Луи Бенжаменом Франкером, в аналитической геометрии которого Эйхенбаум обнаружил ошибку в вычислениях (Эйхенбаум перевел на иврит «Курс чистой математики» Франкера; первая часть этого перевода была издана в Варшаве в 1857 г.).

В 1844 году… и поныне – В дополнение к этим отрывочным фразам приведем некоторые дополнительные сведения о жизни Я. Эйхенбаума. В двадцатые годы Эйхенбаум, обремененный большой семьей, скитался по городам и местечкам черты оседлости и бедствовал, зарабатывая на жизнь уроками (в частности, он жил в Замосце, Умани, Одессе, Могилеве и др. местах). В 1844 г. он по ходатайству виднейшего деятеля российской Хаскалы И. Б. Левинзона получил должность смотрителя и преподавателя Кишиневского еврейского училища. В 1849 г. в связи с реорганизацией училища он был вынужден оставить эту должность и был позднее назначен инспектором и преподавателем еврейских предметов Раввинского училища в Житомире, бывшем в то время центром Хаскалы. Публицист и общественный деятель М. Моргулис пишет, что Эйхенбаум «отличался обширным, разносторонним и оригинальным умом, и был единственным между всеми самоучка-

ми, который прекрасно писал на европейских языках… Он был вполне европейцем, носил европейский костюм (брил бороду), мало придерживался обрядовой стороны религии» и даже выступил с инициативой отмены в училище обряда «покрытия головы» (Моргулис М. «Из моих воспоминаний». *Восход.* 1897. № 4; Меламед Е. *Op. cit.*). Но хотя в некоторых источниках утверждается, что благодаря своему остроумию, обаятельности и разносторонним познаниям Эйхенбаум пользовался большой популярностью среди педагогов и воспитанников и очаровывал их своим поэтическим даром, тот же мемуарист утверждает: «Как ни выдвигался Эйхенбаум как поэт, как математик, как знаток еврейской письменности и литературы и как европеец, наконец, он в той сфере деятельности, к которой он был призван как инспектор <...> не в состоянии был выполнить своего прямого долга: внушить своим ученикам любовь к европейской науке <...> и дать им направление на путь самостоятельной ее разработки». В 1857 г. вместе со своим коллегой Х. Г. Лернером (1815–1889), автором учебника ивритской грамматики, Эйхенбаум предложил издавать при Житомирском училище еврейский «учено-литературный журнал» с приложениями на русском и немецком языках «Дореш тов ле-Исраэль» («Доброжелатель евреев»); предполагалось, что журнал будет «по временам сообщать, как самим воспитанникам <...>, так и кончившим уже курс и находящимся в службе учителям или раввинам, все новое и полезное, что только могло бы служить в пользу просвещения и любви к ближнему». Это издание не осуществилось в связи с недостатком средств и болезнью Эйхенбаума. Он умер в Киеве 15 декабря 1861 г. и был похоронен в Житомире. В год смерти Эйхенбаума в Петербурге вышла в свет его третья поэтическая книга, поэ-

ма «Ха-Косем» («Маг», первая публ. 1860); перевод на иврит «Элементов» Эвклида, выполненный Эйхенбаумом еще в 1819 году, остался неопубликованным.

Барон Тарнеголь … «Рассвет» – Барон Тарнеголь (букв. «Барон Петух», ивр.) – псевдоним поэта Н. А. Гольденберга (1836–?). «Рассвет» – см. прим. к с. 16.

С. 18.

У отца… – Михаил Эйхенбаум (1853-1917), крещеный еврей, железнодорожный врач; его жена Надежда, урожд. Глотова, была одной из первых женщин-врачей в России.

Мы с братом… – Брат Б. Эйхенбаума Всеволод, более известный под псевдонимом «Волин» (1882-1945), был виднейшим революционером-анархистом, в период Гражданской войны считался идеологом махновского движения, которое тем не менее порицал за антисемитизм и погромы. Был выслан из России в 1922 г., жил во Франции, где редактировал воспоминания Н. Махно, во время Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления. Игорь Эйхенбаум, один из сыновей Волина, боевой летчик, стал героем войны, сражался в знаменитой эскадрилье «Нормандия-Неман».

Иногда разыгрывали описанную в поэме шахматную партию… – Описанная Я. Эйхенбаумом баталия действительно может быть разыграна на шахматной доске и представляет собой чрезвычайно эффектную показательную партия с большим количеством жертв фигур. После 29-го хода на доске возникает начальная позиция этюда из книги ев-

ропейского шахматиста и шахматного композитора XVIII века, уроженца Сирии Филиппа Стаммы «Опыт шахматной игры, содержащий правила хорошей игры и способ добиваться выгоды посредством искусных и тонких ходов, каковые можно можно назвать секретами этой игры» (1737). Шахматный текст партии, полученный от Эйхенбаума, был напечатан в «Учебнике шахматной игры» (1856, 1865) немецкого шахматиста и шахматного деятеля М. Ланге и в «Шахматном листке» М. Чигорина (1859). Партия эта такова: Хебер-Кора (начинают черные) – 1. e5 e4 2. d5 ed 3. Id5 Cf3 4. Ee6 c4 5. Ic6 g3 6. Ec4 d3 7. Ee6 Eg2 8. Ca6 0-0 9. 0-0-0 Ce5 10. Ib6 Ca3 11. Ea3 ba 12. Ib5 d4 13. c5 Cf3 14. cd Cd4 15. Ia5 Ed2 16. Ia3 Cb3 17. Kb8 Ca5 18. Ec8 Cc4 19. Ie7 Ib3 20. f5 h3 21. h6 h4 22. g5 hg 23. hg Gfc1 24. Ig7 a4 25. Ch6 Ga3 26. Ig6 a5 27. Ih5 Ef1 28. Cc5 Ie3 29. Cg4. If4 30. gf Ef4 31. Ka8 Cb6 32. ab ab 33. Ca6 Gc8 34. Gc8 Ga6 35. ba Eg2 36. Gc6 Ec6++ (см. Губницкий С. Б. *Необычный практикум по шахматам. 64 учебно-познавательных блока для новичков и не очень опытных игроков, а также для всех шахматистов, увлекающихся художественной литературой.* Вып. 1. Харьков, 2004).

С. 19.

Эпиграф, посвящение… – Эпиграф к поэме взят из библейской Книги Притчей Соломоновых (24:6): «Поэтому с обдуманностью веди войну твою» (в оригинале – «хитростью»). Поэма посвящена «одному из старейшин Одессы», «образованному, разумному, благородному духом, добросердечному, достопочтенному и знаменитому мудрецу» Залману Гурвицу.

Перевод неудачен: строфическое построение не соблюдено; сжатость, стремительность и остроумие языка не переданы; в основу положен какой-то ходячий пушкино-лермонтовский шаблон – Помимо недостатков перевода, указанных Б. Эйхенбаумом, и полного несоблюдения метрики и ритмики исходного текста, в перевод О. Рабиновича включены также сочиненные переводчиком отрывки, вовсе отсутствующие в оригинале, к примеру вступление о «стране Востока» и финальная часть поэмы. Приведем не лишенное интереса мнение исследовательницы О. Литвак: «Для Рабиновича, поэма Эйхенбаума <…> воплощала чересчур сухие, абстрактные аспекты Хаскалы, от которых он, искавший «свободу и свежесть» Юга, решительно стремился отказаться в русском переводе. Собственно говоря, поэма Эхенбаума является прекрасным примером ученого просвещенческого медиевализма, консервативной тенденции искать оправдание и прецеденты культурных экспериментов в философских и лингвистических достижениях иберийского иудаизма. Поэмы о шахматах впервые появились в секулярном репертуаре еврейских поэтов средневековой христианской Испании. Одна такая поэма, по всей видимости, найденная в 19 в. и известная Эйхенбауму, называется «Песнь о шахматах» и приписывается библейскому комментатору и стихотворцу 12 в. Аврааму ибн Эзре. Действие ее происходит у ибн Эзры на легендарном Востоке, где предположительно появились шахматы. Сравнивая игру с вооруженным столкновением между «Эфиопским» и «Эдомитским» царствами – т.е. белыми и черными фигурами – ибн Эзра привлекал внимание к превосходству сражения умов над битвой мечей. В свою очередь, нео-средневековая поэма Эйхенбаума была призвана послужить вдохновенной защитой рационализма

ибн Эзры, вкладом в современные научные дискуссии о его личности и экзегетической методологии <…> Вслед за ибн Эзрой, Эйхенбаум подчеркивал превосходство битвы интеллектуальной над физической и неевропейское – восточное? – происхождение шахмат <…>. В то время как содержание перевода Рабиновича следовало заявленной задаче ивритского оригинала, дух его русской версии частично был продиктован опытом смелого присвоения русской имперской темы. Перевод Рабиновича был выполнен ямбическим тетраметром, основным метром романтических поэм, и по форме и содержанию напоминал южные поэмы Пушкина <…>. И в самом деле, стремясь перевести сцены из поэмы Эйхенбаума в регистр пушкинского Крыма, Рабинович расширил описание романтического восточного фона, на который только намекал Эйхенбаум. Рабинович добавил вступительный эпизод, поместивший игру в шахматы в цветущий экзотический ландшафт <…> В переводе Рабиновича просвещенный еврейский Восток Эйхенбаума приобретает облик пушкинского русского Юга. В отличие от Эйхенбаума, который отождествлял себя скорее с подразумеваемым просвещенным читателем поэмы, чем с «индийским Мудрецом», который якобы изобрел игру в шахматы, Рабинович вспоминал о мистическом восточном происхождении шахмат в качестве прикрытия для разработки национального южного еврейского стиля» (Litvak Olga. *Conscription and the Search for Modern Russian Jewry.* Bloomington, 2006). Заметим, что в отличие от Литвак, Б. Эйхенбаум видел в переводе Рабиновича и поэме в целом «своего рода пародию на романтику восточных поэм» (с. 21).

С. 20.

Хебер – предводитель белых, Кора – черных – Имя *Hever* (так у автора*)* несколько раз встречается в Библии, означает также «чародейство» – ср. с названием поздней поэмы Эйхенбаума – и созвучно ивр. *hiver* (бледный, т.е. белый). Под именем Кора (в ориг. *Korah,* в синодальном пер. Корей) известны два библейских злодея: сын Исава, враждовавший с израильтянами (Быт. 36:5) и глава восстания левитов против Моисея (Чис. 16:1-40). Подобные поэтические игры были не чужды Эйхенбауму: в 1819 г. он написал стихотворную молитву, целиком состоявшую из традиционных сокращений дат, причем каждый стих означал по гематрии 5579 (еврейский эквивалент 1819 г.), а два года спустя сочинил хвалебное послание, каждая строка которого означала, на сей раз, год 5581 (Zinberg Israel. *A History of Jewish Literature. Part 12: The Haskalah Movement in Russia.* Cincinnati-New York, 1978).

С. 21.

Финал подчеркивал традицию. На пир в честь Хебера является молодой певец; он воспевает битву… – И «восточным» колоритом традиционных романтических поэм, о котором говорит Б. Эйхенбаум, и образом «молодого певца» поэма обязана переводчику; всего этого нет в исходном тексте.

С. 25.

Идиотизмы мертвого еврейского языка… – Здесь в значении «идиомы».

Я старался как можно ближе придерживаться подлинника … и позволил себе лишь весьма легкие изменения и отступления… – См. прим. к с. 18.

С. 26.

В стране поэзии… товарищей лихих – Первые две строфы с их штампованно-романтическими образами, характеристиками игроков и пр. в основном представляют собой плод воображения переводчика.

С. 52.

Он весь был радость, торжество… – После 29-го хода черных, когда на доске и возникла начальная позиция этюда Ф. Стаммы (см. прим. к с. 18).

С. 57.

Скрывалось солнце за горой… – Как указывалось выше, практически вся концовка поэмы, появившаяся в русском переводе О. Рабиновича, была присочинена переводчиком; у автора кратко, в одной строфе, рассказывается о пиршестве в доме Хебера и о том, что участники его «записали ход битвы в книге / Дабы не забыли о ней до последнего поколения», т.е. до скончания времен.

С. 62.

Еврейским поэтом Эйхенбахом… – Так в оригинале.

С. 63.

На ивовых ветвях у рек вавилонских… – Подразумевается знаменитый 137 (136) псалом: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах посреди его повесили мы наши арфы» (Пс. 136: 1-2).

С. 64.

Не был еще никогда предметом песен… – Это утверждение безымянного рецензента «Отечественных записок», как и его дальнейшие рассуждения о «филистерских» свойствах «еврейской музы», выдает не только его незнакомство с богатой европейской традицией шахматной поэзии, но и с еврейской поэзией как таковой. В целом рецензия написана с близких к славянофильским позиций; характерно, что олицетворением «филистерства» выступают немецкие бюргеры, традиционные для многих русских авторов XIX в. антагонисты «духовного» начала. Отметим здесь же, что поэму Эйхенбаума автор далее цитирует с некоторыми искажениями.

С. 65.

Si declinare domus vis… – Отрывок из известного школярского мнемонического стишка: «Tolle: *me*, *mi*, *mu*, *mis*, si declinare *domus* vis» («Отбрасывай: *me*, *mi*, *mu*, *mis*, если хочешь склонять *domus*»).

Оглавление

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинт. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинта о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полиции и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естест-

вослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

Доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Дилан Томас. Собрание стихотворений 1934-1953. 258 с., илл.

Первый полный перевод на русский язык канонического собрания стихотворений одного из величайших английских поэтов XX в. Дилана Томаса, отобранного самим Томасом в качестве поэтического наследия. Переводы известного поэта и переводчика Василия Бетаки снабжены подробными комментариями и статьей о жизни и творчестве Томаса.

Кики. Мемуары Кики. 243 с., илл.

Самая знаменитая натурщица XX века, она вдохновляла Сутина и Модильяни, Фуджиту и Кальдера, Брассая и Пикабиа, была возлюбленной Ман Рэя, подругой Жана Кокто и Макса Эрнста и удостоилась титула «королевы Монпарнаса». Первый русский перевод откровенных мемуаров Алисы Прен, прославившейся под именем Кики (1929) дополнен в нашем издании предисловиями Эрнеста Хемин-

гуэя и Фуджиты, подробными комментариями и другими материалами, а также мемуарными отрывками, написанными Кики в 1950 г.

Редьярд Киплинг. Избранные стихи из всех книг. 331 с., илл.

Книга, подготовленная к изданию известным поэтом и переводчиком В. Бетаки, включает лучшие стихотворения Редьярда Киплинга из всех его книг в наиболее удачных поэтических переводах. В книге есть и старые, давно полюбившиеся русскому читателю переводы, и довольно много совсем новых. Многие стихотворения Киплинга, никогда не переводившиеся на русский язык, печатаются в этой книге впервые.

Я. Эйхенбаум. Гакраб (Битва). Поэма о шахматной игре. 97 с., илл.

Первое откомментированное издание курьезной поэмы о шахматной игре известного просветителя и поэта XIX в. Я. Эйхенбаума, деда выдающегося филолога и литературоведа Б. Эйхенбаума. Рисуя сражение между армиями древних воителей Хебера и Коры, автор описывает ход эффектной шахматной баталии с неожиданной концовкой (воспроизведение этой партии на шахматной доске доставит читателю немалое эстетическое наслаждение). Книга снабжена предисловием Б. Эйхенбаума.

***

Книги серии «Gemma magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма»:

Райские цветы, помещенные в седми цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры: Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Вене-

ры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и о повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник А. Я. Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Книги серии «Библиотека авангарда»:

Владимир Гольцшмидт. Послания Владимира жизни с пути к истине. 85 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. I).

Первое современное издание произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса. Создатель московского «Кафе поэтов», авантюрист и йог, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

Филиппо Томмазо Маринетти. Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. 97 с., карта, илл. (Библиотека авангарда: Вып. II).

Основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти – на фронте итало-турецкой войны. Книга поэтической прозы «Битва у Триполи» в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос Маринетти. Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью.

Е. П. Радин. Футуризм и безумие: Параллели творчества и аналогии нового языка кубо-футуристов. 94 с., илл. (Библиотека авангарда: Вып. III). Факсимильное изд.

Наряду с острой критикой футуризма, понимаемого как мистическое течение, в книге содержится немало ценных наблюдений касательно ряда основных принципов футуристической креативности. Особое внимание автор, психиатр Е. П. Радин, уделяет творчеству В. Хлебникова, а также приводит многочисленные примеры текстов, рисунков и картин душевнобольных. В предисловии к факсимильному переизданию этой редкой ныне книги монография Радина (1914) рассматривается на фоне дискурса «вырождения» и «дегенерации» конца XIX – начала XX вв.